

дой на счастье, въ этическомъ смыслѣ, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго: «Забыть все, что было, и начать свою жизнь снова...» говорилъ онъ себѣ. Въ немъ нѣтъ-нѣтъ да заговорить материнское начало, вспыхнетъ искра бывалаго предчувствія *истинной* красоты, спрятавашагося временно лишь подъ вліяніемъ ложныхъ началъ эстетическаго воспитанія. Живыми и полными поэтической прелести чертами рисуетъ намъ гр. Толстой одну изъ такихъ *хорошихъ* минутъ собственнаго, такъ сказать, *переворота въ мініатюръ* въ юной жизни своего героя, когда, бывало, лѣтомъ, въ полнолуніе, цѣлыми ночами на пролетъ, просиживалъ онъ съ своимъ героемъ, «вглядываясь въ свѣтъ и тѣни, вслушиваясь въ тишину и звуки, мечтая о различныхъ предметахъ, *сначала* преимущественно о поэтическомъ сладострастномъ счастіи, которое ему тогда казалось высшимъ счастіемъ въ жизни, и тоскуя о томъ, что до сихъ поръ ему дано было только воображать его... Но вотъ огни исчезаютъ въ верхнихъ окнахъ, звуки шаговъ и говора замѣняются храпѣніемъ, караульщикъ по ночному начинаетъ стучать въ доску... Наконецъ, тушилась послѣдняя свѣча у Фоки, окно захлопывалось, онъ оставался совершенно одинъ, и, робко оглядываясь по сторонамъ, не видно ли гдѣ нибудь, подлѣ клумбы или подлѣ его постели, бѣлой женщины.—рысью бѣжалъ на галерею, ложился на свою постель лицомъ къ саду, слѣшалъ звуки ночи и мечталъ о счастіи... Тогда все получало для него другой смыслъ—смыслъ слишкомъ большой красоты и какого-то недоконченнаго счастія... И вотъ являлась *она*, вся печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятіями....

Но луна все выше, выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, — и, вглядываясь и вслушиваясь во все